

Весеннее солнце пробивалось сквозь резные оконные переплеты, рисуя на плиточном полу причудливые узоры света и тени.

Чэн Шаошан на цыпочках прокралась в кабинет Лу Ци и приоткрыла дверь. Последние несколько дней Лу Ци пропадала в военном лагере и возвращалась лишь к закату, а Шаошан до боли соскучилась по ней. В кабинете всё еще витал знакомый холодный аромат — смесь кедра и каких-то свежих лекарственных трав, запах, присущий только Лу Ци.

Её взгляд упал на тушечницу, стоявшую на рабочем столе. Лу Ци всегда использовала именно её, когда учила Шаошан писать. Девушка осторожно коснулась края камня — там осталась крошечная зазубрина, которую она сама случайно высекла, когда в первый раз, переполненная рвением, дрожащими от волнения руками растирала тушь. Тогда Лу Ци лишь тихо рассмеялась и сказала: Ничего страшного, пусть это будет на память.

— Юная госпожа, что вы здесь делаете? — голос нянюшки Лю, раздавшийся за спиной, заставил Шаошан вздрогнуть.

— Я... я пришла поискать книгу, — Шаошан поспешно отдернула руку, чувствуя, как вспыхнули щеки.

Нянюшка Лю с улыбкой протянула ей ларец с едой:

— Генерал прислала человека. Сказала, что это новые пирожные с османтусом из ресторана Линьцзян, просила передать, чтобы вы попробовали.

Глаза Шаошан засияли. Она приняла ларец и открыла его — в нос тут же ударил сладкий аромат. Снежно-белые пирожные, украшенные золотистыми лепестками османтуса, выглядели настолько изысканно, что их было жаль есть.

— Генерал души в вас не чает, — вздохнула нянюшка Лю. — Я служу в резиденции генерала много лет, но никогда не видела, чтобы она была к кому-то столь внимательна.

Шаошан взяла кусочек пирожного. Сладкий вкус растаял на языке, разливаясь теплом по самому сердцу. С тех пор как она оказалась в резиденции генерала, Лу Ци оберегала её как зеницу ока. Каждый день — то диковинные лакомства, то искусные игрушки. Механическую деревянную птичку, которую Лу Ци подарила ей несколько дней назад, Шаошан ценила так сильно, что даже спать ложилась, положив её рядом с подушкой.

— Нянюшка Лю, когда вернется старшая сестра? — проглотив кусочек, с надеждой спросила Шаошан.

— Генерал сказала, что сегодня вернется пораньше, чтобы показать вам сюрприз.

Сюрприз? Шаошан не усидела на месте. Быстро доев пирожное, она побежала в свою комнату

переодеться в самое красивое платье. Его сшили для неё в прошлом месяце в ателье Цзиньсю по распоряжению Лу Ци. Розовато-красное платье подчеркивало её нежную, как топленое молоко, кожу — она больше не была той замарашкой, какой приехала сюда когда-то.

На закате Лу Ци наконец вернулась. Она была в темно-синем тренировочном костюме, волосы собраны в высокий хвост, на поясе — меч. В каждом её движении чувствовалась природная стать и благородство. Шаошан, словно радостная птичка, бросилась к ней:

— Сестрица!

Лу Ци подхватила её, и её суровый взгляд мгновенно смягчился:

— Заждалась?

Шаошан покачала головой, но не удержалась и заглянула ей за спину:

— Нянюшка Лю сказала, что ты приготовила для меня сюрприз...

Лу Ци тихо рассмеялась и взяла её за руку:

— Пойдем со мной.

Они прошли через галерею в дальний угол заднего двора, где Шаошан никогда раньше не бывала. Раньше здесь был пустырь, а теперь стоял новенький деревянный домик с вывеской Мастерская Шаошан.

Девушка замерла в изумлении.

— Заходи, посмотри, — Лу Ци толкнула дверь.

Внутри царил идеальный порядок: столярные инструменты — рубанки, долота, разметочные шнуры, пилы — всё было на своих местах. В углу лежали отборные куски дерева, а на верстаке лежали несколько ценных списков трактата Лу Баня.

— Это... это всё для меня? — голос Шаошан дрожал. Она с детства была увлечена столярным делом, еще в доме семьи Чэн она тайком наблюдала за работой мастеров, но её всегда одергивали, говоря, что женщинам не подобает заниматься подобным низким ремеслом.

Лу Ци кивнула:

— В тот день я увидела, как ты заворуженно смотришь на столярную лавку на Западном рынке, и подумала, что тебе это может понравиться.

У Шаошан защипало в глазах. Её маленькие пальцы скользили по гладким рукояткам

инструментов — каждый из них был отшлифован до совершенства, видно было, с какой заботой всё подбиралось.

— Но... — она вдруг засомневалась, — разве это не позорно для девушки... заниматься таким?

Лу Ци присела на корточки, чтобы оказаться с ней на одном уровне, и серьезно произнесла:

— Шаошан, в этом мире нет дел, которые «подобают» или «не подобают» женщине. Если тебе нравится столярное дело, значит, оно стоит того, чтобы им заниматься. — Она указала на улицу. — Посмотри на меня: издревле было мало женщин-генералов, но я справляюсь не хуже любого мужчины.

Шаошан завороченно смотрела на неё. Закатное солнце пробивалось сквозь окно и золотило профиль Лу Ци. В этот миг Лу Ци казалась ей куда величественнее любого божества в храме.

— В любом деле можно достичь мастерства, — Лу Ци ласково погладила её по голове. — Если тебе это по душе, почему бы тебе в будущем не стать лучшим мастером в городе Чанъань?

Эти слова, словно весенний дождь, напоили иссохшую землю в душе Шаошан. Она бросилась в объятия Лу Ци, уткнулась лицом в её одежду, хранящую холодный аромат, и пробормотала:

— Сестрица, ты самая лучшая...

Лу Ци нежно обняла её, и они долго стояли в тишине мастерской, пока не сгустились сумерки.

С того дня Шаошан проводила в мастерской почти всё время. Лу Ци не только наняла для неё лучших городских мастеров в наставники, но и в свободные часы сама садилась рядом, чтобы вместе изучать чертежи. И каждый раз, когда Шаошан заканчивала очередную поделку — будь то кривоватая деревянная лошадка или изящная шкатулка с секретом, — Лу Ци бережно забирала её и ставила на самое видное место в своем кабинете.

Помимо столярного дела, Лу Ци начала учить Шаошан читать и писать.

— Расслабь запястье, — в один из дней после полудня Лу Ци встала позади Шаошан, мягко обхватив её маленькую руку, в которой та держала кисть, и помогла вывести на рисовой бумаге иероглифы Шаошан. Теплое дыхание коснулось уха девушки, а холодный аромат, окутавший её, заставил сердце биться чаще.

— От тебя так приятно пахнет... — выпалила Шаошан и тут же залилась краской.

Лу Ци тихо рассмеялась:

— Это благовоние луннао, привычка с пограничья — помогает сохранять ясность ума. — Она отпустила её руку. — Попробуй сама.

Шаошан пыталась сосредоточиться, но то и дело украдкой поглядывала на Лу Ци. Солнечный свет, проходя сквозь оконную занавесь, золотил её длинные ресницы, а слегка сжатые губы напоминали лепестки персика в марте. Шаошан вдруг подумала, что сестрица прекраснее любой вещи, созданной в мастерской.

— Криво, — Лу Ци указала на неровную черту на бумаге.

Шаошан поспешно опустила голову, но Лу Ци протянула руку и кончиками пальцев коснулась её щеки:

— Ты испачкалась в туши.

Это прикосновение было легким, словно взмах крыла бабочки, но в душе Шаошан подняло целую бурю. Она замерла и пришла в себя лишь тогда, когда Лу Ци позвала её по имени.

Во время тренировок по боевым искусствам близости было еще больше. Лу Ци учила её фехтованию, часто приходилось направлять её движения, касаясь рук или плеч. Каждый раз, когда руки Лу Ци ложились на её талию или плечи, Шаошан чувствовала, как кровь приливает к лицу, а движения становились неловкими.

— Сосредоточься, — Лу Ци слегка похлопала её по спине. — Меч следует за сердцем, если сердце спокойно, движения будут сбивчивыми.

Шаошан закусила губу и кивнула, думая про себя: Как же моему сердцу оставаться спокойным, когда ты так близко?

Постепенно у Шаошан появились свои маленькие секреты: она тайком собирала кисти, которыми пользовалась Лу Ци, прятала под подушку первый деревянный меч, подаренный ею, и хранила платочек, в который была завернута сладость, в своем мешочке с ароматами. Иногда она доставала его и вдыхала этот запах, словно так могла почувствовать присутствие Лу Ци.

Однажды ночью Шаошан никак не могла уснуть, поэтому зажгла лампу и принялась вырезать деревянную фигурку, над которой трудилась уже полмесяца. Она делала её похожей на Лу Ци — фигурка уже обрела очертания: стройный стан, высокий хвост и те самые, чуть сжатые губы.

— Почему еще не спишь? — голос Лу Ци внезапно раздался у двери.

Рука Шаошан дрогнула, она чуть не порезалась ножом. Девушка поспешно прикрыла фигурку рукавом:

— Сейчас, уже ложусь!

Лу Ци вошла в комнату в том же тренировочном костюме, в котором была днем — видимо, только что освободилась. Она заметила движение Шаошан и приподняла бровь:

— Что прячешь?

— Ничего... ничего особенного... — уши Шаошан горели огнем.

Лу Ци не стала расспрашивать, а просто достала из-за пазухи небольшой сверток:

— Это тебе.

Шаошан развернула его — внутри оказался изысканный кинжал. Ножны были оплетены серебряной нитью, а на рукояти сверкал темно-синий драгоценный камень.

— Какая красота! — она с восторгом погладила клинок.

— Завтра я уйду в поход против разбойников, вернусь примерно через полмесяца, — тихо сказала Лу Ци. — Этот кинжал для твоей защиты.

Шаошан резко подняла голову:

— Ты уезжаешь?

— Да, — Лу Ци потрепала её по голове. — Нянюшка Лю позаботится о тебе. Не забывай упражняться в письме и боевых искусствах, не ленись.

Шаошан вдруг показалось, что кинжал стал тяжелее свинца. Она опустила взгляд на свои носки и прошептала едва слышно:

— Сестрица... обязательно вернись живой...

Лу Ци посмотрела на макушку девушки и почувствовала, как смягчилось её сердце. Она обняла её:

— Не бойся, кучка разбойников мне не навредит.

Шаошан крепко прижалась к ней, уткнувшись лицом в знакомую одежду, жадно вдыхая холодный аромат. В этот миг она отчетливо услышала, как бешено колотится её сердце, но всё еще не понимала, что это значит.

Той ночью Шаошан не сомкнула глаз, мастера оберег — сплетенный из красных нитей, внутри которого она спрятала кусочек ткани, отрезанный от старой одежды Лу Ци. На рассвете, с темными кругами под глазами, она прибежала к воротам резиденции и сунула оберег в руки Лу Ци, которая уже собиралась в путь.

— Чтобы ты вернулась в целости, — пробормотала она, опуская голову, чтобы Лу Ци не увидела

её покрасневших глаз.

Лу Ци торжественно надела оберег на шею и, наклонившись, поцеловала её в лоб:

— Жди меня.

Войско двинулось в путь. Шаошан стояла на городской стене, провожая взглядом удаляющуюся фигуру Лу Ци, пока та не растворилась в утреннем тумане. Она прижала руку к груди — там, под одеждой, лежал кинжал, подаренный Лу Ци, и тот самый старый платочек.

Весенний ветерок трепал её волосы, унося с собой слезинку, невольно скатившуюся по щеке.

<http://bllate.org/book/19994/1971412>